
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Журнал основан в 2004 году
Выходит 4 раза в год

Том 17, № 4

ЗЧМД
2020

Выпуск 43

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)
Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР РАН)
Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)
к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Изд-во «Наука»)
акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)
д.филол.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)
д.ф.н., д.и.н. **А.А. Бурькин** (ИЛИ РАН)
д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)
проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библиотека)
О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)
акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)
к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)
акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)
к.и.н. **К.Г. Маранджян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.С. Мясников** (ИДВ РАН; ИВР РАН)
проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Пед. ун-т; Сычуаньский
пед. ун-т)
к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)
проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский ун-т)
акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)
проф. **Таката Токио** (Япония, Ун-т Киото; Китай, Фудань-
ский ун-т)
член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)
д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)
к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

- А. Кылыч Дженгиз, А.А. Туранская.* Древнеуйгурские фрагменты *Sitātapatrā dhāraṇī* в коллекции Государственного Эрмитажа **5**
- Т.А. Пан.* Маньчжурско-китайский диплом *гаомин* 誥命 из коллекции ИВР РАН (В 108 mss) **24**

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

- А.Л. Хосроев.* «Докетическая» христология в раннем христианстве. Часть 2.1 **33**
- В.М. Рыбаков.* Приведение наказаний в исполнение по танскому праву **52**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

- О.В. Тихонова, Л.А. Шакунова.* Красные и черные маргиналии в Толедском Коране (Ms. T 235 из Государственной библиотеки Кастилии-Ла-Манча) **66**
- М.В. Фионин.* Менологий лекционария D 227 из собрания ИВР РАН: литургическое чтение на праздник Положения пояса Богородицы **77**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

«В центре сибирского мира благоденствую под бдительной опекою полиции...»: Письма Ф.И. Кнауэра из томской ссылки 1915–1917 гг. Часть 2 (письма 8–21).

Подготовка к публикации, предисловие и комментарии Е.Н. Груздевой **94**

- К.В. Коростелева.* «Инновационные» материалы в консервации уйгурских рукописей из собрания Азиатского музея в начале XX в. **112**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.* Конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований–9». К 80-летию Валерия Исаевича Рудого (06.02.1940–29.08.2009) (Санкт-Петербург, 26 февраля 2020 г.) **118**

РЕЦЕНЗИИ

- Herat M. (ed.).* Buddhism and Linguistics: Theory and Philosophy. — Cham: Palgrave Macmillan, 2018. — xvii + 191 pp. (*С.Л. Бурмистров*) **121**
- Walravens H.* Eugen Pander und seine lamaistische Sammlung. Rekonstruktion der als Kriegsverlust geltenden bedeutenden ehemaligen Berliner Bestände. — Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies, 2019. — 230 с. (Bibliographia Philologica Buddhica. Series Major, VI) (*А.В. Зорин*) **129**

IN MEMORIAM

- Бросалина Елена Кирилловна (1931–2020) (*Е.А. Костина, Е.П. Панина, А.В. Челнокова, О.В. Мажидова, А.А. Никифоров*) **134**

На четвертой стороне обложки:

Фрагмент маньчжурско-китайского диплома (шифр В 108 mss) из коллекции ИВР РАН к статье Т.А. Пан «Маньчжурско-китайский диплом *гаомин* 誥命 (В 108 mss) из коллекции ИВР РАН»

**«В центре сибирского мира благоденствую
под бдительной опекою полиции...»:
Письма Ф.И. Кнауэра из томской ссылки
1915–1917 гг.
Часть 2 (письма 8–21)**

Подготовка к публикации, предисловие и комментарии

Е.Н. Груздевой

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

DOI: 10.18716/WMO55059

Впервые в научный оборот вводятся письма профессора Киевского университета лингвиста-санскритолога Федора Ивановича (Фридриха) Кнауэра (1849–1917), написанные им в 1915–1917 гг. коллеге филологу В.Н. Перетцу и сохранившиеся в архиве (РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35). Этот корпус писем представляет несомненное значение и интерес уже потому, что другого эпистолярного наследия ученого до нас не дошло. В немногочисленных письмах (их всего 21) отразилась личность автора, позволяющая хотя бы отчасти приоткрыть его внутренний мир. Биография Ф.И. Кнауэра, особенно ее последний период — период ссылки — имеет много «белых пятен», которые теперь частично можно будет заполнить. Хронология событий ареста, приезда в Томск и последующей жизни в Сибири записана рукой самого профессора и представляет почти непрерывное повествование. Несмотря на субъективность изложения, оно дает представление о взаимоотношениях опального ученого с его коллегами, друзьями, обывателями, чиновниками местных и центральных учреждений. Издаваемые письма — это документальное свидетельство трагедии честного человека, оказавшегося жертвой в сложный политический период.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, санскритолог Ф.И. Кнауэр, антинемецкая кампания 1914 г., политическая ссылка, Томск, Академия наук, В.Н. Перетц.

Статья поступила в редакцию 12.07.2020.

Груздева Елена Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПбФ АРАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 1 (elgru@rambler.ru).

© Груздева Е.Н., 2020

**Письма Федора Ивановича Кнауэра
к Владимиру Николаевичу Перетцу**

8

[Л. 16–17]

Томск, Преображенская 8, кв. 1
Г-же К.А. Чистяковой для Ф.И.К.
27/VII 15

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Письмо это в ответ на Ваше от 3/VII заставило Вас ждать дольше, чем я сам желал. Объясняется это тем, что Вы задали мне тему, относительно которой не знал, что делать и как выполнить ее. Сначала я думал: Владимир Николаевич прав, надо написать Ольденбургу¹; напишу, завтра напишу, непременно напишу просто потому, что надо написать (по стилю Достоевского); но потом стал размышлять и долго колебался; ведь что мог бы думать обо мне Ольденбург, не считал бы моего обращения к нему бестактностью, чтобы не сказать дерзостью? Наконец я собрался с силами, составил для него записку по содержанию сходную с известной «докладной запискою»² — представить ему простую копию с последней мне казалось неудобным, — приложил письмо, в котором часть моего греха перед ним свалил на Вас, и отправил его и другие вместе третьего дня заказным. Зато я ни на миг не колебался, что Бодуэну де Куртенэ³ мне не следует писать. Я, наверное, его еще больше уважаю, чем он меня, но вплести его в мое дело было бы уже прямо дерзко; притом хромой хромого на плечах не может нести⁴. Также я не намерен написать свои мемуары. Боже мой, для кого они были бы полезны? Правда, моя жизнь не из обыкновенных, я имел бы много рассказать; но откуда я возьму талант для этого? Мог бы писать кое-что, пишу по случаю даже стихи, как я их написал даже среди [толпы? — *Е.Г.*] в участке, но лишь для собственного утешения; чтобы навязаться другим, надо быть поэтом и художником. Другое дело, если бы нашелся какой-нибудь Достоевский; материал я мог бы дать ему сколько угодно и в самом деле далеко не безынтересный. Так пусть все мои воспоминания сойдут со мною в могилу!

Неделю тому назад Ларин⁵ уехал. Ему понадобилось дней 10 на путь через Москву в Глухов, где он хотел провести еще несколько дней в родительском доме для отдыха, чтобы затем явиться в Киев на службу⁶, начинающуюся 7 августа. Он работал здесь здорово; мы жили вместе как отец с сыном; надеюсь, что он не сожалеет, что приехал. Теперь мне плакать хочется; светлые дни прошли!

¹ Ольденбург Сергей Федорович — см. примеч. 29 в 1-й части публикации (ППВ-42).

² Подробнее о ней см. в 1-й части публикации (ППВ-42, письмо 5, с. 149).

³ Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845–1929) — русский и польский лингвист, член-корр. Императорской Академии наук (1897), профессор Петербургского университета (1900–1918).

⁴ За брошюру «Национальный и территориальный признак в автономии» (СПб., 1913) И.А. Бодуэн де Куртенэ был обвинен в антигосударственной деятельности, так как выступал в защиту прав языков национальных меньшинств России. Суд в 1914 г. определил ему 2 года тюремного заключения, но благодаря протестам петербургских ученых и учащейся молодежи срок был сокращен до 3 месяцев. Министерство народного просвещения не разрешило профессору продолжать преподавание в университете, и в 1915–1916 гг. он занимался *privatissima* с небольшой группой студентов (подробнее см.: Бондарь 2010: 517–533).

⁵ Ларин Борис Александрович — см. примеч. 31 в 1-й части публикации (ППВ-42).

⁶ В 1914–1916 гг. Б.А. Ларин преподавал латынь в частной женской гимназии А.В. Жекулиной.

Залеман⁷ прислал мне недавно книги, из которых меня особенно обрадовала Армянская грамматика Мейе (с текстами и словарем)⁸. Я, разумеется, выразил ему свою большую благодарность и попросил его выслать мне, если можно, еще несколько других пособий, мною указанных⁹. Кроме того я продолжаю читать древнееврейскую библию. Итак, кое-какие материалы для собственных занятий имею и не вынужден скучать, тем менее что могу теперь после ремонта пользоваться и местной городской библиотекою, что дает мне возможность наслаждаться русской литературою.

Для печатной науки, конечно, все эти занятия пропадут даром, что особенно досадно ввиду моих «серьезных» лет, утешаюсь, однако, тем, что Бог дал мне редко-доброе здоровье, так что я чувствую себя таким же не только умственно, но и физически бодрым, как лет двадцать тому назад, и не случись чего-нибудь непредвиденного, я могу прожить еще «многая лета», а в таком случае кое-что наверстать.

Ввиду особых обстоятельств я пошлю это письмо заказным на имя Вашей милой супруги; если оно не застанет Вас в Ворзеле, то, надеюсь, по крайней мере в Киеве. Предполагаю, что Вы в случае отъезда из Ворзеля там оставили свой ближайший адрес.

С сердечным приветом Вам и семье вечно преданный Вам Ф. Кн.

9

[Л. 18–19 об.]

Томск, Преображенская ул. 8 кв. 1

Г-же К.А. Чистяковой для...

21/VIII 15

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Ваше письмо из Ворзеля от 5/VIII достигло меня благополучно; надеюсь, что сие ответное мое достигнет и до Вас. Что я упрямый человек, это так, но упрям я обыкновенно лишь в делах совести и правды, а, впрочем, остаюсь грешным существом. Мой грех перед Ольденбургом состоит в том, что я, мягко выражаясь, привел его в неловкое положение, тем более что он не имеет достаточного основания ломать копье за меня. Я извиняю его наперед, если и ничего не предпримет, а приложит мою записку к нему молча к хламу своему, предоставляя, однако, прочесть ее кому угодно, прежде всего Вам. Жестокая судьба, что нет уже Константина Константиновича¹⁰; оплакиваю его кончину теперь еще больше, чем когда-либо. Маклаков¹¹, свирепый

⁷ Залеман Карл Германович — см. примеч. 25 в 1-й части публикации (ППВ-42).

⁸ Речь идет о работе французского лингвиста: *Meillet A. Altarmenisches Elementarbuch*. Heidelberg, 1913.

⁹ Ф.И. Кнауэр сообщал К.Г. Залеману, что имеющимися у него древнееврейской Библией и словарем 1878 г. вполне доволен: «...так как я тонкостями не занимаюсь, а повторяю лишь, что я некогда знал. Боже мой, сколько можно забыть в течение 35–40 лет!» Он писал, что был бы рад получить новоперсидскую и арабскую грамматики, а также работы по армянскому языку Н.Я. Марра (СПБФ АРАН-4. Д. 1843. Л. 18).

¹⁰ Президент Императорской Академии наук вел. кн. Константин Константинович скончался 2 июня 1915 г.

¹¹ Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) — министр внутренних дел с 1912 г. по 5 июня 1915 г.

Джунковский¹² и Суковкин¹³ ушли, но Троцкий¹⁴ остался, а на Щербатова¹⁵, судя по его думской речи о «внутренних» немцах¹⁶, уповать нельзя, причем мне утешительно, что Милоков возражал ему прекрасно¹⁷. Мечтать о Киеве не мечтаю, там «все еще властвует Деревницкий¹⁸ и не известно, когда произойдет его замещение» (Ларин от 11/VIII)¹⁹. Он главный виновник моего несчастья; перевод этой скотины в Уфу я считал бы некоторым удовлетворением и для себя. Цытович²⁰ момля, до сих пор не дал мне ответа, не дал и после вторичного моего обращения к нему через Сонни²¹ с просьбою выхлопотать по крайней мере снятие секвестра. Сонни бессилен, Бубнов²² фразер, Ардашев²³ истерик, Голубев²⁴ отец знаменитого сына; все, даже самые лучшие объяты кошмаром, как Томск дымом от лесных пожаров, нет мужей и проч.; общие события тоже не благоприятствуют. Чего же мне еще ожидать от Киева? С большим удовольствием при таких обстоятельствах я перешел бы в Петроград, хотя бы лишь в качестве приват-доцента по санскриту на место покойного Меклера²⁵; пусть предложат мне, добьются снятия секвестра и права жительства, и я сейчас же перееду, как ни тяжело было бы мне расстаться с киевской молодежью мужского

¹² Джунковский Владимир Фёдорович (1865–1938) — товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов с 25 января 1913 г. по 19 августа 1915 г.

¹³ Суковкин Николай Иоасафович (1861–1919) — офицер и государственный деятель, киевский губернатор, ушел с поста 19 августа 1915 г.

¹⁴ Троцкий Владимир Иоанникович (1847–1918) — генерал от инфантерии (1912), главный начальник Киевского военного округа (1914–1917).

¹⁵ Щербатов Николай Борисович (1868–1943) — министр внутренних дел с 5 июня по 26 сентября 1915 г.

¹⁶ На заседании Государственной думы 3 августа 1915 г. Н.Б. Щербатов, говоря о живущих в России немцах, в частности подчеркивал, что в ответ на широкое гостеприимство и полную свободу, которую они всегда имели, «мы видим при полном отсутствии стремления к ассимиляции лишь презрение к русским коренным обывателям и привычкам. Теперь приходится... думать не только о том, каким образом ограничить их землевладение... а о том, какие нужно принять действительные энергические меры к тому, чтобы это население было действительно ассимилировано» (Государственная дума 1915. Ст. 435).

¹⁷ Милоков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист, государственный деятель; член и лидер кадетской партии (с 1905 г.), член Государственной думы (1907–1917). Его думская речь об отношении к предложению правых партий об образовании специальной «комиссии о всех мероприятиях по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни» подчеркивала экономическую, культурную, внутривнутриполитическую роль немцев в российской истории и завершалась словами: «Мы будем голосовать за образование этой комиссии, мы в нее войдем и в ней мы будем бороться против тех тенденций, с которыми выступают люди, предложившие ее образовать, за право, справедливость и честность русского народа...» (Государственная дума 1915. Ст. 496–508).

¹⁸ Деревницкий Алексей Николаевич (1859–1943) — филолог-классик, историк, попечитель Киевского учебного округа (1912–1917).

¹⁹ Указан источник сведений — полученное Ф.И. Кнауэром письмо от Б.А. Ларина.

²⁰ Цытович Николай Мартинович — см. примеч. 30 в 1-й части публикации (ППВ-42).

²¹ Сонни Адольф Израилевич — см. примеч. 14 в 1-й части публикации (ППВ-42).

²² Бубнов Николай Михайлович (1858–1943) — историк-медиевист, филолог, декан историко-филологического факультета Киевского университета (1905–1919).

²³ Ардашев Павел Николаевич (1865–1924) — историк, политический публицист, профессор Киевского университета (1903–1917). Член партии «Всероссийский национальный союз».

²⁴ Голубев Степан Тимофеевич (1848–1920) — церковный историк, профессор Киевской духовной академии и Киевского университета. Член Киевского клуба русских националистов. Его сын — Голубев Владимир Степанович (1891–1914), монархист, председатель киевского патриотического общества молодежи «Двуглавый орел» — одной из самых активных черносотенных организаций.

²⁵ Меклер Георгий Карлович (1858–1915) — лингвист, приват-доцент кафедры сравнительного языкознания Петербургского/Петроградского университета; преподавал санскрит в 1887–1913 гг.

и женского пола; но как раз в снятии секвестра и месте жительства, вот да *liegt der Hund begraben*²⁶! Списать с поляком и немцем²⁷ пока не могу; если бы, однако, Браун²⁸ нашел возможным от себя возбудить вопрос о моем переходе в факультет и факультет обратился бы к министру народного просвещения с соответствующей просьбой, то это, пожалуй, могло бы содействовать благоприятному решению указанных вопросов. Я лично потерял всякую надежду и дай Бог, чтобы не совсем падал духом. Ведь сколько мне придется еще ждать и терпеть до момента, когда враг будет сломлен или, по крайней мере, до минуты, когда уже не будет ни одного неприятельского солдата на нашей территории (ставка и Сазонов²⁹)? Немудрено было бы, если бы я при такой перспективе падал духом, унывал бы и пришел бы даже в полное отчаяние. К тому же «Новое время»³⁰ учит, что немец по натуре своей подлец, преступник, зверь; раз «по натуре», то и Ф.И. не делает исключения. Нет, единственное, что может спасти меня, это чудо, и только надежда на чудо поддерживает меня.

Если Ларину не будет обеспечена стипендия и на второй год, он не может переехать в Петроград. Так он мне говорил, так и пишет, а я не могу уговаривать, раз у него денег не будет, хотя разделяю Ваше мнение, что без руководителя специалиста в Киеве³¹ может произойти у него охлаждение к науке. Но во что ценится у нас наука! Спускаемся мы все ниже, требуем все меньше и меньше, доходим до народно-го университета, где *homines minores*³² могут заступить *majores*³³.

Ваше нездоровье меня опечалило. Не пейте сырой воды нигде. Рано Вам похудеть, похудеть можете на старости как я; утверждают, впрочем, здесь без всякого вызова с моей стороны, что я, напротив, пополнел. Верить хочется, сплю много, работаю мало, сердце, легкие и желудок в идеальном порядке.

Пошлю это письмо заказным и под Вашим полным именем, так как Вы переменили квартиру.

Желая Вам всего наилучшего, Ф. Кн.

P.S. Простите плохую бумагу и поганный почерк.

10

[Л. 20–21 об.]

Томск, Преображенская ул. 8 кв. 1

Г-же К.А. Чистяковой для Ф.И.К.

19/Х 15

²⁶ *Liegt der Hund begraben* (нем.) — вот где собака зарыта, в *знач.*: вот в чем все дело.

²⁷ Вероятно, имеются в виду И.А. Бодуэн де Куртенэ (поляк) и Ф.А. Браун (немец).

²⁸ Браун Федор Александрович (1862–1942) — филолог-германист, декан историко-филологического факультета Петроградского университета (1912–1918).

²⁹ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — министр иностранных дел России (1910–1916).

³⁰ «Новое время» — ежедневная российская газета, одна из самых информированных и влиятельных. Выходила в 1868–1917 гг. в Петербурге/Петрограде. В 1900-е годы приобрела репутацию реакционной и беспринципной, стояла на позициях антисемитизма и борьбы с «немецким засильем».

³¹ В Киевском университете Ф.И. Кнауэр был единственным профессором по сравнительному языкознанию, после его высылки преподавать санскрит поручили вначале молодому филологу-классику С.С. Дложевскому (1889–1930), а с 1915 г. — ученику Ф.И. Кнауэра магистранту М.Я. Калиновичу. В течение нескольких лет уровень преподавания санскрита оставался сравнительно низким.

³² *Homines minores* (лат.) — молодежь; *здесь*: начинающие, новички.

³³ *Homines majores* (лат.) — старики; *здесь*: знающие, опытные ученые.

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Я немало встревожен тем, что я уже свыше двух месяцев ни от Вас, ни о Вас не имею никаких сведений. На Ваше письмо от 5/VIII (последнее из Ворзеля) я написал в ответ заказное письмо в Петроград (по указанному Вами новому адресу: Васильевский остров, Средний проспект 35, кв. 13), которое Вы должны были получить к самому началу сентября месяца. И вот, не знаю, дошло ли оно до Вас или нет. В нем я радостно изъявил свою решительную готовность перейти в Петроград в качестве приват-доцента по санскриту на месте покойного Меклера при университете, если мне будет сделано соответствующее предложение со стороны факультета. Но для этого факультет должен был бы войти в Министерство народного просвещения с ходатайством о разрешении мне занять это место (я бы даже согласился занять его безвозмездно), а министерство со своей стороны должно было бы возбудить предварительно перед административной и военной властью ходатайство о снятии ареста, наложенного на мое добро, и разрешении мне учительствовать в Петрограде. Сделали бы это факультет и министерство, сильно сомневаюсь. Во всяком случае, официально я не могу обратиться ни к тому, ни к другому с подобной просьбою; даже частным образом не мог бы я сноситься с деканом, так как он все-таки должен был бы доложить об этом в факультете. Другое дело, если бы третье постороннее лицо, скажем прямо Вы, Владимир Николаевич, нашли возможным предварительно поговорить с деканом, как мне поступить. Если скажет, что я должен войти в факультет с соответствующим ходатайством, войду; если пожелает предварительно и конфиденциально выслушать мнение своих коллег, пусть поступит так; если вообще не считает возможным поднять этот вопрос, я покорюсь судьбе. Одним словом, я без инициативы со стороны факультета сам от себя ничего не могу предпринимать.

На днях я по истечении четырех месяцев получил официальный отказ из Киева, что мое ходатайство перед Министерством внутренних дел о снятии секвестра и разрешении жить в Киеве Штабом Киевского военного округа отклонено. При нынешних обстоятельствах³⁴ я такое решение несколько понимаю, хотя могли бы по крайней мере снять секвестр без вреда военным делам; видно, однако, что со стороны Министерства внутренних дел, предоставившего решение одному главному начальнику Киевского военного округа, не имеется препятствий к моему освобождению (что было даже еще при Маклакове); главное: место жительства, и, быть может, Штаб Петроградского военного округа терпел бы меня в Петрограде и Киевский главный начальник ничего не имел бы против этого, лишь бы я только не жил в Киеве. Увы, моего протектора Константина Константиновича нет, я бы представил ему докладную записку и, как думается мне, не без успеха; но теперь я без всякой надежды и жду только отдаленного заключения мира³⁵. Спросите по случаю Ольденбурга, получил ли он мое письмо с приложенной запискою, и попросите его дать Вам прочесть последнюю. Залемана я благодарил за присылку книг с просьбою прислать мне еще несколько других, обозначенных мною; не знаю, однако, дошло ли мое открытое письмо до него или нет; спросите его тоже по случаю и скажите ему, что я сейчас в дру-

³⁴ К октябрю 1915 г. под натиском германских войск русские оставили почти всю Галицию (Западную Украину), Буковину, часть Волыни, Польшу, Литву, часть Латвии (Курляндию). Летом-осенью 1915 г. шла эвакуация населения и части учреждений и предприятий г. Киева в глубь страны.

³⁵ Согласно официальным документам, Ф.И. Кнауэр был выслан из Киева на основании статей «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» на все время войны. Изменить его положение могло только подписание мирного договора.

гих книгах не нуждаюсь, следовательно, не нужно ему пока беспокоиться. К своим нынешним занятиям я присоединил в нынешнее время языки японский и польский.

Из-за сибирской этнологии собираюсь познакомиться и с Потаниным³⁶, поборником самостоятельной сибирской областной системы и знаменитым путешественником по Монголии, Алтаю, отчасти и Тибету в сопровождении храброй жены. За вольнодумство он когда-то страдал в крепости и проч. пять лет; на днях же отпраздновали здесь его 80-летний юбилей самым торжественным образом, видя в нем все-сибирского героя, как бы символ самобытной сибирской жизни. *Tempora mutantur*³⁷!

Уже больше месяца стоит у нас зима со снегом и надлежащими морозами, доходящими иногда до 10 градусов по Реомюру³⁸. Погода очень приятная, освежающая. Не боюсь самых страшных морозов, так как теперь имею на всякий случай шубу — первую в моей жизни. Прошлую зиму, когда бывали морозы свыше 30 градусов³⁹, я еще обошелся без нея, может быть, и впредь не буду нуждаться в ней; все-таки не желаю рискнуть слишком много и вот успокоительная шуба в крайних случаях к услугам!

Здоровье и бодрость прекрасны, запас терпения велик, мучает лишь бездеятельность. С сердечным приветом

Весь Ваш Ф.К.

11

[Л. 22–22 об.] Почтовая карточка

Томск 22/X 15

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Почта только что обрадовала меня Вашим долгожданным письмом от 15/X. Из находящегося по дороге заказного письма моего от 19/X Вы увидите, что мое молчанье объясняется тем, что я [*нрзб.*]; [то же? — *Е.Г.*] заказное письмо от 22/VIII, отправленное по Вашему новому петроградскому адресу, [остается? — *Е.Г.*] без ответа. Это предпоследнее мое письмо от 22/VIII, которое Вы должны были получить к концу августа или началу сентября, очевидно, не дошло до Вас, так как Вы и теперь не указываете на него ни прямо, ни косвенно. Известите меня, как стоит это дело, может быть предьявлю почте иск, если Вы ничего не имеете против этого. Главное содержание этого письма я повторил в последнем от 19/X. Ваши милые заботы обо мне крайне трогательны: сердечнейшее спасибо! В деньгах не нуждаюсь, благодаря помощи других я богатый человек, тем более, что я живу очень скромно и дешево без ущерба здоровью, которое не оставляет желать ничего лучшего. Низкий поклон бывшим слушательницам, сохранившим добрую память обо мне. Дай Бог, чтобы Вы были правы, что «скоро окончится»; в этом отношении, однако, я мало верующий.

С 17-го сентября у нас зима со снегом и морозами, доходящими теперь до 16 градусов по Реомюру. Духом я бодр, имею казацкое терпение.

Жму Вам крепко руку Ф. Кн.

³⁶ Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) — географ, этнограф, исследователь Центральной Азии и Сибири. Почетный член Русского географического общества (1910).

³⁷ *Tempora mutantur* (*лат.*) — «времена меняются».

³⁸ Соответствует температуре –12,5 °С.

³⁹ Здесь и далее имеются в виду значения по температурной шкале Реомюра. См. примеч. 9 в 1-й части публикации (ППВ-42).

[Л. 23–24 об.]

Томск 28/І 16

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

В Вашем письма от 18/І, которое дошло до меня вчера, Вы снова, как в письме от 15/Х 15, жалуетесь, что Вы обо мне не имеете никаких сведений, а между тем я в прошлом полугодии послал по Вашему новому петроградскому адресу два заказных* письма и одну открытку. В них я заявил, что благодарствую и готов был бы согласно Вашему предложению занять место покойного приват-доцента Меклера при Петроградском университете, но что Штаб Киевского военного округа (т.е., конечно, Троцкий) отклонил мое ходатайство перед Министерством внутренних дел о снятии секвестра и разрешении жительствовать в Киеве, о чем мне было объявлено официально.

Частным образом я узнал уже раньше, будто Троцкий сказал, что будет поступлено со мною по закону. «По закону», очевидно, поступает и Игнатъев⁴⁰, а поэтому я предоставлен произволу судьбы. С этим я должен мириться до лучших дней на том свете или, по крайней мере, во время войны, конца которой не предвидится.

Заботы Ольденбурга и пр. меня тронули; но как же может уступить непогрешимая администрация? Мне нужна свобода, вот и все! В деньгах не нуждаюсь; сердечно благодарю Вас за новое предложение Ваших услуг в этом отношении; снабжают меня пока другие. Тысячи я уже потерял, тысячи еще пропадут, пусть так, не будем считать и всякого рода пережитых и переживаемых тревог и мучений, все прощу; но что крадут мои годы тем, что лишают меня возможности работать в чью-либо пользу, этого никогда не прощу.

У Потанина я был; он, 80-летний, счел нужным даже отдать мне визит и пригласить меня на вечер. Выяснилось, что и я ему мог бы быть полезным, не только он мне. К сожалению, его услугами я в настоящее время пользоваться не могу, потому что — думаю от лютых декабрьских холодов, доходивших до 30–35 градусов, — мой правый глаз чем-то задет так, что мешает левому, без того более слабому, при чтении книг, которое таким образом немало затрудняется. Досадно, надеюсь, однако, что скоро пройдет. Январская погода прекрасна, лишь 5–10 градусов при обильном снеге.

Принимая глубокое участие в Вашей личной и семейной жизни и желая Вам всякого благополучия,

Весь Ваш Ф. Кн.

---

* Приписано на полях: *В случае доставки их Вам я не прочь был бы предъявить иск к почте; квитанции есть.*

[Л. 25–26 об.]

Томск, 8/ІІІ 16

---

⁴⁰ Игнатъев Павел Николаевич (1870–1945) — министр народного просвещения (май 1915 — декабрь 1916).

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Несколько дней тому назад я получил от секретаря Литературного фонда⁴¹ извещение, что «по ходатайству академика Перетца Комитет Литературного фонда назначил Вам продолжительное пособие на 6 месяцев (с 1-го марта по 1-е сентября с.г.) по 50 руб. в месяц». Пораженный неожиданностью такого отношения я немедленно ответил выражением искренней благодарности за такое редкое, неожиданное для меня и высокогуманное внимание, присовокупив, что я позволю себе смотреть на это пособие как на беспроцентную ссуду, которую я намерен возратить при первой возможности после войны с глубочайшей благодарностью. Если бы Вы, неутомимый и вечно обязывающий меня приятель Владимир Николаевич, спросили меня предварительно о поднятии этого вопроса, я бы просил Вас не сделать такого шага; но раз он сделан без моего ведома и с успехом, то я не был вправе отказаться от принятия означенного пособия из-за уважения к Вам и Комитету, но считал дозволенным указать при этом на мою готовность возратить сумму с глубочайшей благодарностью после войны. Теперь я тем более рад, что в моем заявлении о намерении возратить сумму ничего предосудительного нет, что и Вы указываете на эту возможность в своем заказном письме от 22/II, которое лишь теперь только что дошло до меня. Откровенно говоря, нравственная сторона этого дела меня больше радует, чем денежная; тоже немаловажная. Ведь в настоящее время добро делать проклятому немцу, даже находящемуся в русском подданстве и на русской государственной службе, не боясь «Нового времени» и угроз, это геройство. И вот Вы с Комитетом по отношению ко мне совершили геройство, хотя Вы сами стараетесь умалить значение его. Вечная благодарность Вам!

Опять не видно из Вашего письма, получили ли Вы мои заказные и незаказные письма к Вам за прошлое и это полугодие или нет. Прошу упомянуть об этом следующий раз.

Благодарю Вас и за моих учеников Ларина и Баранникова⁴², вырученных Вами из невозможного положения⁴³. С ними я нахожусь в переписке. Калинович⁴⁴ молчит пока, но собирается писать.

Жму Вам крепко руку. Ф. Кн.

14

[Л. 27–28]

Томск, Преображенская 8 кв. 1
Г-же К.А. Чистяковой для Ф.И. Кн.

26/VI 16

⁴¹ «Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным» (в обиходе чаще — «Литературный фонд») действовало в Петербурге с 1859 г.

⁴² Баранников Алексей Петрович (1890–1952) — филолог, востоковед-индолог. Бывший студент Киевского университета (1910–1914), оставленный по кафедре сравнительного языкознания Ф.И. Кнауэром. Впоследствии А.П. Баранников стал крупным ученым, академиком АН СССР (1939), а Б.А. Ларин — выдающимся лингвистом, членом-корреспондентом АН Украинской ССР (1945), академиком Литовской ССР (1949).

⁴³ Вероятно, имеется в виду участие в организации зимой–весной 1916 г. командировки некоторых киевских стипендиатов в Петроградский университет, так как Киевский университет был эвакуирован в Саратов и молодежь, по выражению В.Н. Перетца, «осталась без пастыря».

⁴⁴ Калинович Михаил Яковлевич (1888–1949) — украинский языковед, санскритолог. После окончания Киевского университета (1912) оставлен Ф.И. Кнауэром профессорским стипендиатом, с 1915 г. начал преподавать на кафедре сравнительного языкознания. Впоследствии известный языковед, санскритолог, академик АН Украинской ССР (1939).

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Простите мое чрезмерное молчание на Ваше последнее письмо из Петрограда. Оно объясняется тем, что я все ждал улучшения моего зрения, не позволявшего мне ни читать, ни порядочно писать. Оно и теперь не лучше; надежда на улучшение, однако, есть, только не здесь, в сибирском суровом климате. Дело в том, что у меня появились признаки воспаления почек, что ставится в связь с ухудшением зрения, а воспаление почек — с продолжительными, лютыми морозами.

Как только обратишься к врачам, они сейчас найдут вам сорок сороков болезней. Правы ли они или неправы, но они посылают меня на юг России, предлагая мне на выбор Кавказ, Крым, университетские города Одессу, Киев, Харьков, Саратов. Не рассчитывая попасть в район военных действий, я выбрал себе Саратов ли Харьков и подал на днях соответствующее прошение на имя министра внутренних дел⁴⁵. Ответ может последовать через 2–3 месяца. Без врачей я сказал бы, что я совершенно здоровый человек, так как чувствую себя прекрасно, не испытывая нигде в теле никакой боли, имею хороший аппетит, сплю больше, чем нужно, хожу по-прежнему беспрепятственно, духом бодр, не унываю. Мне недостает лишь подходящих очков для чтения.

От Ларина и Баранникова я получаю письма из Петрограда. Очень рад, что приняли их там хорошо. Надеюсь, что они, особенно под влиянием [модерниста? — Е.Г.] Щербы⁴⁶, не слишком увлекаются в сторону. Заниматься экспериментальной фонетикой будет для них, конечно, очень полезно; но не вся суть в ней. Рад, что Ларин получил в дар санскритский словарь от Академии наук; не найдет ли последняя возможным осчастливить экземпляр и Баранникова?

От Литературного фонда я аккуратно получаю пособие по 50 руб. в месяц. Оно особенно важно для меня теперь, когда приходится лечиться. 1-го сентября оно прекратится. Еще раз сердечное спасибо Вам!

В надежде, что Ваши силы получат в лоне Ворзеля новую [окрепляющую? — Е.Г.] пищу, жму Вам крепко руку с сердечным приветом Вам и семье Ваш Ф. Кн.

15

[Л. 29–30]

Томск, Преображенская 8 кв. 1
26/VII 16

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Ваше заказное письмо из Ворзеля дошло до меня довольно поздно; спешу ответить на него.

⁴⁵ Получив в начале июля это письмо, В.Н. Перетц из Ворзеля обратился к А.А. Шахматову, чтобы поддержать прошение Ф.И. Кнауэра. А.А. Шахматов предложил составить обращение к новому министру внутренних дел А.А. Хвостову (РГАЛИ. Д. 91. Л. 22–22 об.). 19 августа 1916 г. А.А. Шахматов писал С.Ф. Ольденбургу: «В.Н. Перетц составил проект обращения к Хвостову и „просит меня предложить его для подписи Вам и еще кому Вы найдете возможным“» (СПбФ АРАН-6. Л. 220). Письмо было подписано академиками В.И. Перетцем, А.А. Шахматовым, С.Ф. Ольденбургом и А.П. Карпинским и отослано в министерство 9 декабря 1916 г. Департамент полиции через Томского губернатора известил Ф.И. Кнауэра, что и это ходатайство отклонено (ГАТО-1. Л. 55–55 об.).

⁴⁶ Щерба Лев Владимирович (1880–1944) — лингвист, приват-доцент (1909–1916), профессор (с 1916 г.) Петербургского университета. Как фонетист и фонолог изучал «живой русский язык», вел занятия по языковедению, экспериментальной фонетике, сравнительной грамматике индоевропейских языков, каждый год дополняя свой курс материалами нового языка.

Прежде всего, примите мою искреннюю благодарность за новую Вашу заботу обо мне. Продление пособия от Фонда, признаюсь, было бы мне очень приятно. Война продолжается, жизнь дорожает, расходы растут и лечение требует немало денег. Постараюсь возратить все полученное при первой возможности после войны.

Если другие предпримут шаги перед Игнатьевым в мою пользу, то это будет очень хорошо, но сам я не намерен обратиться к нему. Он посвящен мною в дело (копиею докладной записки на имя министра внутренних дел, которую я ему представил в прошлом году); нового не имею ничего прибавить. Заступничества от нашего министерства ожидать нельзя, меня, может быть, даже уже вычеркнуло. Оно на днях отклонило и ходатайство Бодуэна о допущении его к чтению лекций. Боюсь я!

Зато я помимо ходатайства от 22/VI перед Министерством внутренних дел, о котором Вы уже знаете, третьего дня снова возбудил ходатайство перед главным начальником Киевского военного округа о разрешении мне вернуться в Киев (с приложением медицинского свидетельства) и снятии секвестра. Новыми мотивами для этого я выдвинул 1) мое серьезное заболевание в Томске, 2) продолжительность ссылки и 3) неимение средств к дальнейшей жизни. В заключение прибавил просьбу в случае неразрешения возвращения мне в Киев применить ко мне вместо пункта 17 известного § закона пункт 16, по которому я имел бы возможность жить вне района военных действий где угодно⁴⁷, и выбрал себе место для лечения согласно указаниям врачей. Написанное в таком смысле ходатайство, наверное, будет отклонено, как прошлогоднее; но я хотел сделать последний отчаянный шаг.

Можете себе представить: Ларин опять приехал ко мне в Томск учиться. Он касательно моего зрения не был предупрежден. Письмо о его приезде я получил, когда он уже находился на дороге недалеко от Томска. Какая смелость с его стороны, какая радость для меня! Теперь мы опять живем в одном и том же доме, обедаем, ужинаем и работаем вместе.

В первые дни он немножко хворал, но теперь он чувствует себя прекрасно и работает с увлечением и, надеюсь, не по-напрасному⁴⁸.

С сердечным приветом

Весь Ваш Ф. Кн.

16

[Л. 31–32]

Томск, Преображенская 8 кв. 1

28/VIII 16

⁴⁷ Закон «О местностях, объявляемых состоящими на военном положении», утвержденный 18 июня 1892 г., в п. 17 ст. 19 гласил, что военная власть могла «выслать отдельных лиц во внутренние губернии империи, с извещением о том министра внутренних дел, для учреждения за ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного положения, а иностранцев выслать и за границу», — согласно этому пункту и был выслан Ф.И. Кнауэр; а п. 16 той же ст. 19 давал право «воспрещать отдельным лицам пребывание в местностях, объявленных на военном положении» (ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1895. Т. XII. С. 479–483. № 8757).

⁴⁸ Поездки в Томск сам Б.А. Ларин считал для себя очень важными. В отчете о занятиях в 1916 г., представленном в Киевский университет, он писал, что в 1915 г. начал изучение ведийского языка и перевел 20 гимнов, а летом 1916 г. продолжил изучение вед по изданию А. Гиллебрандта (Берлин, 1885) и перевел все 57 гимнов из этого сборника. Разбор 10 гимнов «был проверен проф. Кнауэром и исправлен по его указаниям. Перевод остальных сделан самостоятельно» (ГАК. Л. 4, 6). В последующие годы во всех автобиографиях Б.А. Ларин называл Ф.И. Кнауэра своим учителем.

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Ваше последнее письмо из Ворзеля я получил. Большое спасибо! Чрезвычайно тронут я Вашими новыми стараниями, дай Бог им успеха. Кроме известных Вам прошений я в свое время написал частное письмо к товарищу министра внутренних дел А. Бобринскому⁴⁹, ныне министру земледелия, с просьбой содействовать благоприятному решению. Мы познакомились друг с другом по поводу раскопок курганов, которые я когда-то производил⁵⁰ в⁵¹ по поручению Императорской Археологической комиссии, председателем коей он состоял. Думаю, что он не забыл меня; но сделает [сделал? — *Е.Г.*] что-нибудь, я не могу знать. Надеюсь больше на Ваше содействие.

Комитет Литературного фонда продлил мне пособие по 50 руб. в месяц еще на полгода. Сердечное спасибо Вам, да вознаградит Вас Бог, родной брат не сделал бы для меня того, что Вы уже⁵². Вечно буду помнить.

Вчера вечером уехал на пароходе Ларин в бодром настроении; с ним и мой добрый летний дух. На пароходе он едет до Тюмени дней девять; лишь бы имел хорошую погоду. Лето было дождливое; больное зрение мое по-прежнему плохо: не лучше, не хуже. Главная помеха сидит, как мне кажется, в правом глазе. Врач ничего определенного сказать не может. Что касается нефрита, то единственным признаком воспаления почек является белок, который, впрочем, вероятно благодаря теплоте, уменьшился.

Вообще чувствую себя совершенно здоровым. Appetit хороший, сплю сном праведным, нигде нет ни малейшей боли.

Желая Вам доброго здоровья и всего лучшего,
Весь Ваш Ф. Кн.

17

[Л. 33–34 об.]

Томск, 11/XII 16

Черепичная 1 кв. 1

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

В первой половине сентября я послал на Ваше имя письмо; полагаю, что Вы получили его. Теперь приближается конец года; спешу поздравить Вас с новым годом, с новым счастьем; да сохранит Вам Бог здоровье!

Мое здоровье вполне удовлетворительно; только зрение пока и не хуже, но и не лучше. Надо терпеть.

⁴⁹ Бобринский Алексей Александрович (1852–1927) — археолог, политический и государственный деятель, председатель Имп. Археологической комиссии (1886–1917), сенатор (1896–1917), член Государственного совета (1912–1917), товарищ министра внутренних дел (25 марта — 21 июля 1916), министр земледелия и землеустройства (21 июля — 14 ноября 1916).

⁵⁰ В 1888 г. Ф.И. Кнауэр производил раскопки пяти насыпных курганов близ с. Сараты Аккерманского уезда (опубл.: Кнауэр 1889). В 1899 г. о результатах этих раскопок он докладывал на Археологическом съезде (Кнауэр 1902).

⁵¹ Далее — пропуск в тексте.

⁵² Летом 1916 г. В.Н. Перетц писал С.А. Венгеру: «Я послал Ф.Д. Батюшкову (члену Комитета Лит. фонда. — *Е.Г.*) прошение о продлении Ф.И. Кнауэру пособия еще на полгода из Литературного фонда. У бедного Кнауэра несчастье: у него было от сурового климата воспаление почек, повлиявшее на зрение! Представьте себе, каково это для ученого! Он просится о переводе в южный университетский город, но... Кто знает, что теперь сделает новый г. министр внутренних дел!» (РО ИРЛИ. Л. 33 об.–34).

Мое первое ходатайство от 22/VI перед Министерством внутренних дел Департаментом полиции отклонено. На второе, на имя главного начальника Киевского военного округа от 22/VII, ответа до сих пор нет, вероятно, и не будет. Между тем я приготовился здесь к третьей зимовке. Живу теперь у местного пастора, у которого мне так хорошо, что не хотелось бы переехать в другое незнакомое мне место.

Жизнь дорожает гигантскими шагами. Какое счастье для меня, что получаю пособие от Литературного фонда. Оно, впрочем, прекратится 1-го марта; о продлении его я не смел бы просить, так как не знаю, когда мог бы вернуть его: настолько возросли мои долги. На лечение тоже пошло немало денег. Впрочем, в настоящее время врачи освободили меня от всякого лечения как ненужного: слава Богу!

Желая Вам всего наилучшего,
Ф. Кн.

18

[Л. 39–40 об.]

Томск, 17/II 17

Черепичная 1 кв. 1

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Последнее Ваше письмо я получил своевременно. Спасибо, Вы умеете прекрасно утешать. Ларин сообщает мне, что А.И. Сонни имел разговор с начальником Киевского военного округа и ректором, разговор, из которого видно, что в Киеве готовы снять наложенный на мою пенсию арест. Однако вчера мне было через местную полицию объявлено, что согласно донесению Департамента полиции главным начальником Киевского военного округа ходатайство, возбужденное или поддержанное(?) академиками Ольденбургом, Шахматовым⁵³, Перетцем и др., отклонено⁵⁴. Не ясно для меня, относится ли это ходатайство к прошению, [поданному мною? — *Е.Г.*] 22-го июня на имя министра внутренних дел, или к моему ходатайству перед главным начальником Киевского военного округа от 22/VII; или же оно было возбуждено академиками независимо от моих. Как бы то ни было, ясно, что дело мое окончательно провалилось; ведь я просил, между прочим, освободить и мою пенсию, что теперь отклонено. Поэтому я вопреки Вашему совету больше не намерен снова войти с каким-нибудь ходатайством; только Сонни напишу еще словечко. А Вам, милым, в высшей степени благородным, гуманным, выражаю свою горячую благодарность за попытку помочь мне. Передайте каждому из [сих? — *Е.Г.*], подписавших ходатайство, что из моей памяти никогда не исчезнет приятнейшее воспоминание о их великодушном подвиге. Да здравствуйте Вы все. Я чрезвычайно тронут.

Из Фонда я на днях получил последнюю сумму. Прошу больше не ходатайствовать о продлении этого пособия; буду жить по-старому без него и без выдачи пенсии. Пока в деньгах особенно не нуждаюсь; сожалею только, что своим ничего не могу посылать. Важнее всего для меня свобода для того, чтобы что-нибудь зарабатывать. Лекции я мог бы читать, держал бы себе чтеца при сносном вознаграждении. Откроются же осенью новые историко-филологические факультеты!

⁵³ Шахматов Алексей Александрович — см. примеч. 2 в 1-й части публикации (ППВ-42).

⁵⁴ Речь идет об обращении академиков к министру внутренних дел А.А. Хвостову. См. выше примеч. 45.

Живется мне в Томске хорошо. Имею еще бесконечный запас терпения. Зима удивительно мягкая. Здоровье мое весьма удовлетворительно; зрение только нуждается в улучшении.

Жму Вам крепко руку. Ф. Кн.

19

[Л. 35–35 об.]

Томск 28/III 17

Черепичная 1*

Дорогой друг, глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

С чувством беспредельной признательности прочитал я Ваше письмо. Вы вместе с Шахматовым и Щербой совершили новый подвиг⁵⁵. Думаю, что на этот раз он увенчается полным успехом.

Сам я возбудил ходатайство перед комиссариатом о моем освобождении. Он обещал мне снестись по этому поводу с министром. Не сомневаюсь, что более действительным окажется Ваше содействие. Шахматову и Щербе мой благодарный привет!

Сверх ожидания пособие от Фонда мне продлено, не знаю, впрочем, на какой срок. Сердечное спасибо и за это!

Приближается весна; [пусть? — *Е.Г.*] наступит весна и в политическом отношении! Шлю сердечный привет, жму Вам крепко руку.

Вечно благодарный Вам Ф. Кн.

* На полях помета карандашом рукой В.Н. Перетца: «Кнауэр ослеп!». — С каждым письмом почерк Ф.И. Кнауэра становится все более неразборчивым, строки наползают друг на друга.

20

[Л. 36–37 об.]

Томск, [20] мая 1917 г.

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Из глубины сердца, от всей души поздравляю Вас с 25-летним юбилеем⁵⁶, который Вы отпраздновали 26 апреля. Я опоздал с поздравлением, поздно мне сообщили о дне празднования. Как хотелось бы мне присутствовать, жать Вам руку! Мои добрые пожелания не менее горячие *post factum*, да здравствуйте еще много, много лет! Ваша деятельность чрезвычайно плодотворна; в последнюю минуту Вашей богатой жизни Вы можете с удовлетворением сказать себе: Слава Богу, недаром я жил!

Ваше письмо от 20-го марта, как и предшествовавшее, я получил и выражаю [*нрзб.*] снова свою глубокую благодарность за дружеский шаг, предпринятый Вами вместе с Ольденбургом, Шахматовым и др. перед Министерством юстиции.

⁵⁵ Академики подготовили новое ходатайство о судьбе Ф.И. Кнауэра о восстановлении его в гражданских правах и разрешении вернуться в Киев. Текст составил В.Н. Перетц. Кто его подписал, точно неизвестно, ибо сохранился лишь черновик письма, на котором отмечены дата 20 марта 1917 г. и исходящий № 108 (СПбФ АРАН-3. Л. 26–27). Ходатайство было подано министру юстиции А.Ф. Керенскому.

⁵⁶ Весной 1892 г. В.Н. Перетц, еще будучи студентом университета, начал научную деятельность: опубликовал первые заметки, касавшиеся изучения народной песни и народных обрядов.

Я свободен на общем основании амнистии⁵⁷. Неизвестно, однако, мог бы я вернуться в Киев или вообще в район военных действий, для чего, кажется, требуется разрешение высшей власти. По поводу этого сделан запрос в Штаб Киевского военного округа самим Томским комиссариатом и вот [ждем? — *Е.Г.*] ответа⁵⁸. Пока я подал прошение в комиссариат следующего содержания: «Нуждаясь во врачебной помощи, честь имею покорнейше просить выдать мне удостоверение в том, что со стороны Комиссариата не имеется препятствия к выезду моему из Томска в Петроград, Москву или другой город. Кроме того прошу возвратить мой паспорт»⁵⁹. Дело мое было бы в шляпе, если бы киевские профессора действительно «взялись за ум»; я был бы спасен и получил бы полное удовлетворение.

С сердечным приветом жму Вам крепко руку. Ф. Кн.

21

[Л. 38–38 об.]

Томск, 7/VI 17

Черепичная 1

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Своей «негромкой» речью и предпринятыми Вами новыми шагами⁶⁰ снова обязываете меня. Повторяю: родной брат не мог бы больше делать, чем Вы сделали для меня. Вечное спасибо Вам! Особенно рад, что Вы обратились к министру народного просвещения. Я, правда, не уволен в отставку, как Лециус⁶¹, а лишь временно освобожден от исполнения своих обязанностей «по болезни», но было важнее [даже? — *Е.Г.*], что Вы вместе с другими министру напомнили о моем печальном существовании. Жаль, что «Речь»⁶² не напечатала Ваше письмо в редакцию, очевидно, еще рано ломать копьё за «своих» немцев. Керенский⁶³ хотя не ответил Вам, но, кажется, дей-

⁵⁷ Временное правительство 6 марта 1917 г. утвердило «Указ о полной и немедленной амнистии всех политических заключенных»; 14 марта амнистия была распространена на лиц, осужденных по военному уставу; а 17 марта — обнародована всеуголовная амнистия.

⁵⁸ На запрос Томского комиссариата, сделанный 21 марта 1917 г., от Штаба Киевского военного округа 17 мая 1917 г. было получено уведомление в том, что «переписка о разрешении профессору Кнауэру возвратиться на жительство из Томской губернии в Киев... находится в настоящее время в производстве» (ГАТО-1. Л. 59).

⁵⁹ Прощение датировано 3 мая 1917 г. и зарегистрировано в Томском комиссариате 10 мая 1917 г. (ГАТО-1. Л. 58).

⁶⁰ 15 мая 1917 г. на экстраординарном Общем собрании АН В.Н. Перетц доложил историю высылки Ф.И. Кнауэра и безрезультатного заступничества Академии. По его просьбе Общее собрание АН постановило возбудить новое ходатайство перед министром народного просвещения об освобождении профессора из ссылки, возвращении в Киевский университет и снятии ареста с его пенсии и сбережений (СПбФ АРАН-1 Д. 164. Л. 111–111 об.). Письмо было составлено и подано 3 июня 1917 г. через непременно секретаря АН (СПбФ АРАН-2. Д. 46. Л. 15–16 об.).

⁶¹ Лециус Иосиф-Эрнест Андреевич (1860–1931) — филолог-классик, историк, профессор Киевского университета (1885–1911), директор Нежинского историко-филологического института (1913–1914). Осенью 1914 г. был неожиданно уволен и выслан в Самару вместе с семьей (с женой и пятью дочерьми), где служил конторщиком в банке.

⁶² «Речь» — ежедневная газета, орган партии кадетов. Выходила в Петербурге–Петрограде в 1906–1918 гг. Академики и университетская профессура разделяли либерально-демократические идеи партии, входили в ее организации. О каком письме в редакцию газеты идет речь, установить не удалось.

⁶³ Керенский Александр Федорович (1881–1970) — политический и государственный деятель, министр юстиции Временного правительства (3 марта — 18 апреля 1917 г.). См. примеч. 55.

ствовал: он или Львов⁶⁴. В здешнем комиссариате мне сообщили, что Министерство внутренних дел взялось за дело перед начальником Киевского военного округа⁶⁵. В добрый час!

Ларин поступил в юнкерское училище⁶⁶. Патриотический порыв весьма похвален; боюсь только, что молодой человек пропал для науки. О Баранникове я давно ничего не слышал. Калинович продал Оглоблину⁶⁷ согласно моему желанию мою санскритскую грамматику⁶⁸, 392 экз. за 510 руб. и прислал мне эту сумму. Имею теперь запас денег для возможной обратной поездки⁶⁹.

Жму Вам крепко руку Ф. Кн.*

* На полях 1-й страницы письма приписка: *Сегодня снято военное положение, как говорят.* На полях 2-й страницы: *В Томске сейчас большая тревога из-за амнистированных преступников; объявлено военное положение; много убитых и раненых.*

Литература

- Бондарь 2010 — *Бондарь Л.Д.* «Дело» профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ (в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 7. М.: Собрание; Наука, 2010. С. 517–533.
- ГАК — Государственный архив г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1264.
- ГАТО-1 — Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 77. Д. 1226.
- Государственная дума 1915 — Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия четвертая: Стеногр. Отчета. Пг., 1915. Т. 1.
- Кнауэр 1889 — Чтение Ф.И. Кнауэра о произведенной им раскопке курганов в южной Бессарабии (Приложение к протоколу заседания 20 ноября 1888 г.) // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1889. Кн. 3. Отд. 1. С. 32–49.
- Кнауэр 1902 — *Кнауэр Ф.И.* Раскопки в Аккерманском уезде // Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве 1899. М., 1902. Т. II. Отд. III. С. 150–152.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XII. СПб., 1895. С. 479–483. № 8757.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35, 91.
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом). Ф. 377. Оп. 4. Д. 1727.
- СПбФ АРАН-1 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 164, 166.
- СПбФ АРАН-2 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Д. 45, 46.

⁶⁴ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — общественный и политический деятель, министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства (2 марта — 7 июля 1917 г.).

⁶⁵ В уведомлении (см. выше, примеч. 59) было сказано, что вопрос о проф. Кнауэре возбужден товарищем министра внутренних дел, — вероятно, имеется в виду С.Д. Урусов. Им же была подписана телеграмма Томскому губернскому комиссару от 13 мая 1917 г. о том, что профессору Киевского университета Федору Кнауэру разрешено жительство повсеместно в пределах европейской России, кроме Киевского военного округа и театра военных действий (ГАТО-1. Л. 4).

⁶⁶ Документальное подтверждение подобного факта биографии Б.А. Ларина не обнаружено.

⁶⁷ Имеется в виду крупная киевская фирма «Книгоиздательство и книжная торговля Н.Я. Оглоблина».

⁶⁸ Учебник санскритского языка: Грамматика. Хрестоматия. Словарь / Сост. Ф.И. Кнауэр, проф. унив. Св. Владимира в Киеве. Лейпциг: Тип. В. Другулина, 1908.

⁶⁹ Объявив амнистию, Временное правительство не предприняло никаких мер по обеспечению возвращения домой амнистированных. Рассчитывать можно было только на собственные средства или на помощь общественных комитетов.

- СПбФ АРАН-3 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1065.
СПбФ АРАН-4 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 291, 1843.
СПбФ АРАН-5 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141.
СПбФ АРАН-6 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 652.
СПбФ АРАН-7 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 770. Оп. 2. Д. 57.

References

- Bondar' L.D. "‘Delo’ professora I.A. Boduena de Kurtene (v dokumentakh Sankt-Peterburgskogo filiala Archiva RAN)" [The Case of Professor I.A. Baudouin de Courtenay (as Presented in the Documents Housed at the Saint-Petersburg Branch of the Archive of RAS)]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*, 2010, vol. 7, pp. 517–533 (in Russian).
- Chtenie F.I. "Knauera o proizvedennoi im raskopke kurganov v iuzhnoi Bessarabii (Prilozhenie k protokolu zasedaniia 20 noiabria 1888 g.)" [The Report Given by F.I. Knauer on the Barrows Dug by Him in Southern Bessarabia (the Supplement to the Minutes of the Meeting of November 20, 1888)]. In: *Chteniia v Istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa*. Kiev, 1889, kn. 3, otd. 1, pp. 32–49 (in Russian).
- Gosudarstvennaia дума. Sozvyv chetvertyi. Sessiia chetvertaia: Stenogr. otchety* [The Fourth Duma. The 4th Session: Verbatim Accounts]. Petrograd, 1915, t. 1 (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv g. Kieva*. F. 16. Op. 465. D. 1264 [The State Archive of the City of Kiev. Fund 16. Inv. 465. D. 1264] (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti*. F. 3. Op. 77. D. 1226 [The State Archive of Tomsk Region. Fund 3. Inv. 77. D. 1226] (in Russian).
- Knauer F. "Raskopki v Akkermanskom uezde" [Excavations in Akkerman Province]. In: *Trudy odinnadtsatogo arkheologicheskogo s'ezda v Kieve 1899*. Otd. III. S. 150–152. Moscow, 1902, t. II (in Russian).
- Polnoie sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 3, vol. XII. St. Petersburg, 1895, pp. 479–483 (in Russian).
- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva. F. 1277. Op. 1. D. 35, 91 [The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1277. Inv. 1. D. 35, 91] (in Russian).
- Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii Dom). F. 377. Op. 4. D. 1727 [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin's House). Fund 377. Inv. 4. D. 1727] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 1. Op. 1a. D. 164, 166 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 1a. D. 164, 166] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 134. Op. 3. D. 1141 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 134. Inv. 3. D. 1141] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 2. Op. 1-1914. D. 45, 46 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. Inv. 1-1914. D. 45, 46] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 208. Op. 3. D. 652. [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 3208. Inv. 3. D. 652] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 770. Op. 2. D. 57. [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 770. Inv. 2. D. 57] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 87. Op. 3. D. 291, 1843 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 87. Inv. 3. D. 291, 1843] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 9. Op. 1. D. 1065 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 9. Inv. 1. D. 1065] (in Russian).

**“I’m Doing Well in the Center of Siberian World
under Strict Police Supervision...”:
F.I. Knauer’s Letters from his Tomsk Exile in 1915–1917
Part 2 (letters 8–21)**

Preface, publication and commentaries by Elena N. Gruzdeva

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 4 (issue 43), pp. 94–111)

Received 06.07.2020.

Elena N. Gruzdeva

St. Petersburg Branch of the Archive of RAS (SPbB ARAS); Universitetskaya naberezhnaya 1,
St. Petersburg, 199034 Russian Federation.

The article introduces the letters of the Professor of the Kiev University, Sanskrit scholar Fyodor Ivanovich (Friedrich) Knauer (1849–1917) sent by him to his colleague, philologist Vladimir Nikolaevich Peretz. They are now housed at the Personal Fund of V.N. Peretz in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI. Fond 1277. Inv. 1. F. 35). This set of letters is undoubtedly of great importance because, among other things, we have no other surviving epistolary heritage of the scholar. Revealing the author’s personality, the letters (there are only 21 of them) acquaint us to some extent with his inner world. Until recently, F.I. Knauer’s biography, especially the years of his exile, was full of blank spots which we can finally fill. The entire sequence of events relating to Knauer’s arrest, up to his arrival in Tomsk and life in Siberia, is presented by him as an uninterrupted narrative. The letters give us an idea of relations between the scholar, when he was out of favor, and his colleagues, friends, common people, local and higher authorities. They provide reliable documentary evidence of the terrible misfortune of a sincere person, who fell victim to a complicated political period.

Key words: epistolary heritage, Sanskrit scholar F.I. Knauer, anti-German sentiment of 1914, political exile, Tomsk, Academy of Sciences, V.N. Peretz.

About the author:

Elena N. Gruzdeva, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the St. Petersburg Branch of the Archive of RAS (elgru@rambler.ru).